

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Вступление. Все начинается с проверок	11
Глава 1. Вам звонят из ФБР	17
Глава 2. Бомбоубежище	41
Глава 3. Профайлинг профайлеров	61
Глава 4. Какие показания дает место преступления	75
Глава 5. Убийца женского рода	89
Глава 6. Мисси	115
Глава 7. Азы виктимологии	137
Глава 8. Что скрывается под маской	151
Глава 9. «Готовых рецептов нет»	171
Глава 10. Если копнуть поглубже	177
Глава 11. Или фантазии, или реальность — совместить не получится	195
Глава 12. Картины изуверства	209
Глава 13. Читать между строк	229
Глава 14. Вяжи, пытай, убивай	241
Глава 15. Самолюбие тебя погубит	255
Глава 16. Вглядываясь в бездну	267
Глава 17. Внутренний монстр	293
Благодарности	307
Источники	313

ОТ АВТОРА

В начале я хотела бы предупредить читателей о возможных негативных реакциях, которые могут возникнуть из-за историй, описанных в этой книге. Речь идет о насильственных действиях, убийствах, похищениях, сексуальном надругательстве, домашнем насилии (в том числе над детьми и животными), сексизме/женоненавистничестве, расизме... Если вам кажется, что описание подобных вещей может нанести ущерб вашему психическому здоровью, я бы посоветовала вам отказаться от прочтения.

Эта книга — рассказ о моей совместной работе с сотрудниками правоохранительных органов, в ходе которой мне приходилось общаться с жертвами страшных преступлений и жестокими преступниками. Диалоги в книге абсолютно документальны — это практически дословные расшифровки диктофонных записей, стенограмм и протоколов. В случаях, когда такие источники отсутствовали, я воспроизводила диалоги, исходя из своих воспоминаний.

Что касается отдельных, тяжелых для читательского восприятия фрагментов, то я не приукрашивала действительность

ЭНН ВОЛБЕРТ БЕРДЖЕСС

и в то же время не стремилась к сенсационности. Передо мной стояла цель достоверно передавать ход событий, с тем чтобы обеспечить максимально полное понимание истинного характера этих преступлений и причиненных ими страданий. Всей душой надеюсь, что эта книга будет способствовать сохранению памяти о жертвах страшных преступлений, о которых я расскажу на этих страницах.

ВСТУПЛЕНИЕ

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ПРОВЕРОК

Я внимательно рассматривала одну за другой три стопки фотографий, разложенные на столе. Каждая состояла из стандартного криминалистического набора общих, средних и крупных планов. В первую группу — под названием «Дэнни 21.09» — входили фото, сделанные в мирной сельской глубинке штата Небраска. Однако едва ли не идиллический пейзаж служил лишь фоном. На самом деле объектом внимания было безжизненное тело на обочине проселочной дороги, частично скрытое высокой травой. Это был труп ребенка или, скорее, подростка, неестественным образом изогнутый назад. Запястья рук были привязаны к щиколоткам, из одежды были лишь темно-синие трусы. Крупные планы показывали изувеченное тело мальчика: полностью развороченная ударами ножа грудь, глубокая резаная рана в области затылка, спутанные волосы, покрытые засохшей кровью и грязью. Вокруг тела роились мухи.

Закончив с первой стопкой и приступив к следующей, обозначенной «Кристофер 05.12», я испытала своего рода deja-vu — настолько схожей с предыдущими была картина на этих

фото, сделанных только вчера. Второй погибший, по возрасту и внешнему виду схожий с первым, был обнаружен в том же районе сельской глубинки. Сходство деталей было просто поразительным. Правда, во втором случае осень сменилась зимой, и бледная кожа мальчика была припорошена снегом, скрывающим раны и черты лица. На крупных планах были видны лужи замерзшей крови возле головы и живота погибшего. Еще ужаснее выглядели два фото, сделанные при вскрытии тела. Первое показывало глубокую резаную рану: нож вонзили в заднюю часть шеи, после чего с силой провели им к правой части подбородка. На втором были семь рваных ран на животе и груди погибшего. Нанесли ли их беспорядочно или с каким-то особым умыслом, понять было невозможно.

Это происходило в начале 1980-х годов. В то декабрьское утро я, в компании пятерых коллег, находилась в большой переговорной, скрытой в недрах Академии ФБР в Куонтико, штат Виргиния. В этом подвальном помещении, именуемом «бомбоубежище», не было ни фотографий на стенах, ни телефонов и вообще ничего, что могло бы отвлечь внимание. Единственное небольшое окошко из армированного стекла выходило в безлюдный коридор с пустующими служебными помещениями. О существовании этой части территории Академии знал очень ограниченный круг лиц. В ней располагался Отдел поведенческого анализа ФБР (ОПА), и такая обособленность служила нам ежедневным напоминанием о специфике нашей работы. Мы охотились на серийных убийц. А именно: изучали их, пытались понять их образ мысли и находили способы обезвреживать их максимально быстро. Для этого мы применяли новаторский метод «криминального профайлинга», который в то время воспринимался большинством наших коллег по Бюро с разной степенью скепсиса или пренебрежительности. Но критика кри-

тикой, а значение имеют только результаты. И мы были полны решимости доказать, что на самом деле наши подходы могут быть очень и очень эффективными.

В то зимнее утро мы собрались именно для криминального профайлинга. Накануне вечером спецагент Роберт Ресслер, срочно выехавший в Небраску, отправил факсом каждому члену небольшого коллектива отдела обзорную справку о деле. Когда ранним утром мы появились в переговорной, на столе уже лежали все необходимые материалы. Это были досье по делу, патологоанатомические заключения, показания свидетелей, рисунки художника-криминалиста, списки подозреваемых и те самые фото, с которыми я только что ознакомилась. Массив информации выглядел впечатляюще и в то же время приводил в ужас.

По крайней мере меня. Хотя я работала в ОПА уже несколько месяцев, и даже несмотря на мою ведущую роль в разработке методологии профайлинга, агенты держались от меня на расстоянии. Они не очень понимали, зачем я здесь. Да, меня пригласили в отдел в качестве эксперта по виктимологии¹ и насильственным преступлениям на сексуальной почве, и я знала, что за это меня здесь уважают, но тем не менее считают посторонней, ресурсом на самый крайний случай. Пусть я и специалист, но точно не агент. Но это наше утреннее совещание могло изменить ситуацию. Впервые меня привлекли к работе над свежим делом. Это была проверка — смогу ли я работать совместно с агентами, стать членом их сплоченного узкого круга. Впрочем, были и другие аспекты. Я была единственной женщиной в ОПА и одной

---

¹ Виктимология — это научная дисциплина, изучающая, как люди или группы людей становятся жертвами преступлений. Она исследует поведение жертвы и ее отношения с преступником до преступления, в момент его совершения и после него. Кроме того, виктимология изучает кризисные состояния, в которых пребывают жертвы, определяет необходимые меры помощи и находит способы предотвращения повторных преступлений.

из очень немногих в преимущественно мужском мире Академии ФБР. И я чувствовала, что являюсь объектом самого пристального внимания. Поэтому мне отчаянно хотелось проявить себя.

С момента, когда тыходишь в двери Бюро, тебя начинают проверять на прочность. Даже несмотря на то, что ты уже принят на работу благодаря профессиональным знаниям, талантам и сильным сторонам. Но, как бы то ни было, судить тебя будут не по ним, а по твоим ошибкам. Так уж здесь заведено. Оценивать людей по вероятности их неудач — жесткий и в какой-то мере умалющий их достоинство подход, но он эффективен. И те, кто выдерживает и проходит через череду испытаний под невероятным давлением, становятся посвященными. Именно так было с пятью агентами, в компании которых я была тем утром. И именно этого я хотела для самой себя.

Итак, отрешившись от монотонного гула предположений и атмосферы беспокойного ожидания, я собиралась с мыслями и заново сосредоточилась на сериях фотографий. Я понимала, что в каждой есть незаметные на первый взгляд детали и скрытые подсказки, от которых зависит успешное раскрытие этого дела.

— Ну что, Энн, как у тебя дела? — Вопрос застал меня врасплох. Я положила все фото, кроме одного, на стол и обернулась, чтобы посмотреть, кто его задал. Это был агент Джон Дуглас.

— Хорошо, — сказала я. — Кто бы это ни сделал, он становится увереннее. Взгляни на эти раны. — Я вручила Дугласу фото груди второго погибшего. — Это уже не хаотичные удары. Он наносил их более обдуманно.

Дуглас кивнул. Я понимала, что его не интересовала ни фотография, ни то, что я о ней думала. Он хотел проверить, как я справляюсь со страшными подробностями этого дела. На моей памяти это было не впервые. Как и Бюро в целом, Ду-

глас и остальные агенты постоянно проверяли своих коллег на слабину, причем совершенно не скрывая этого. Кстати, одним из любимых тестов Дугласа был человеческий череп, выставленный на всеобщее обозрение на его рабочем столе. Если зашедший в его кабинет человек старательно отводил от черепа глаза, то тест считался проваленным. Единственным способом пройти его было обратить на это украшение стола мимолетное внимание и как ни в чем не бывало перейти к своему делу.

Я прошла этот тест на череп, равно как и целый ряд других. На самом деле к моменту этой встречи с Дугласом в бомбоубежище я уже показала себя достаточно неплохо, чтобы заслужить грамоту за подписью и.о. директора ФБР Джеймса Маккензи и быть официально зачисленной в штат ОПА. Но даже такой беспрецедентный шаг Бюро не вполне убедил моих коллег. Им требовалось доказательство того, что я — женщина и человек со стороны — способна выдержать зрелище самого жестокого насилия.

Успешное прохождение этого последнего экзамена означало, что я смогу принять участие в проекте Дугласа и Ресслера, которым они без особой огласки занимались с начала этого года. Их захватила одна идея, противоречившая сложившейся практике следственной работы. На протяжении десятилетий правоохранители списывали некоторые преступления на акты чистого безумия, которые не подлежат никаким рациональным объяснениям. Но Дуглас и Ресслер считали иначе. Они хотели расспросить осужденных убийц относительно мотивов их поступков и, таким образом, получить возможность радикально изменять ход следственных действий и использовать против преступников их же психологические особенности. В Бюро идею о неофициальных беседах с осужденными серийными убийцами поддержали. Но ни Дуглас, ни Ресслер не обладали обширными